ПОѢЗДКА НА ОСТРОВЪ ОЛЬХАНЪ.

Кто не знаетъ въ южной Сибири, по дорогѣ въ Кяхту, между высочайшими горами, озера Байкалъ. Жители называютъ свое огромное озеро моремъ.

Въ то же время, въ народной фантазіи Байкалъ олицетворился въ образѣ капризнаго, честолюбиваго старика; его можно разсердить, озлобить невѣжливымъ словомъ, а потому въ давнопрошедшія времена возлагалось на путешественниковъ, плывущихъ черезъ Байкалъ, запрещеніе: не произносить бранныхъ словъ, называть Байкалъ не озеромъ, а моремъ, не измѣрять его глубины, и тому подобное. Байкалъ озеро длинное, изогнутое серпомъ, по берегу простирается верстъ на тысячу, а въ ширину отъ 30 до 100 верстъ. На площади воды, столь обширной, возвышается одинъ только значительный островъ *Ольханъ*; прочіе острова лежатъ подлѣ береговъ, и вообще малы и низки.

Изъ Иркутска лежитъ къ Байкалу три пути. По главной заморской дорогѣ считается до озера 60, по кругоморской, сухопутной, ровно 100 верстъ. Можно попасть на Байкалъ и съ якутской дороги, лежащей отъ Иркутска прямо на востокъ. Проѣхавъ 30 верстъ до села Аёка, поворачиваютъ направо, и чрезъ деревни Еливку, Куяду, Тугутуй и Харатъ выѣзжаютъ къ Байкалу, на устье рѣчки Голоустной.

На островъ Ольханъ можно попасть или водою по морю, или сухимъ путемъ съ якутской же дороги.

Иркутскіе ботаники рѣшились однажды, среди прекраснаго лѣта, посѣтить островъ Ольханъ. Никто изъ нихъ не бывалъ на этомъ островѣ, а потому всѣ надѣялись открыть что̀-нибудь новенькое, неизвѣстное изъ царства прозябаемаго. Въ сопровожденіи казака, въ двухъ почтовыхъ повозкахъ отправились мы изъ Иркутска по якутской дорогѣ, переѣхали вбродъ черезъ рѣчку Ушаковку, и лихо неслись по широкой улицѣ Дѣвичьяго-монастыря, такъ называется предмѣстье Иркутска, по-имени Знаменскаго женскаго монастыря, стоящаго на высокомъ берегу рѣки Ангары. За предмѣстьемъ дорога пошла вправо по возвышенію, покрытому березникомъ невысокимъ и нечастымъ. — Стой! закричалъ кто-то изъ передней повозки. Остановились и мы, вышли—и что̀ же? ботаниковъ остановило необыкновенное множество растеній, ярко цвѣтущихъ между кустами. Кто видѣлъ только бѣдную петербургскую и даже россійскую флору, тотъ изумится сибирской, и невольно скажетъ: какая сильная растительность! Пышно цвѣли лазоревые колокольчики (Aquilegia) и дракоцефалы, между-ними ярко бѣлѣлись анемоны.—Прелестные розовые орхисы, густооранжевые, махровые траліосы ярко выказывались между синими и бѣлыми цвѣтами. Ближе къ землѣ цвѣли скромныя пироли, а еще ниже зеленѣлась аметистія, обѣщающая отличную синюю либо зеленую краску для фабрикъ. По упавшимъ колодамъ тянулась душистая линія барсалисъ. Мы полуневѣжды въ ботаникѣ, привыкшіе къ петербургскимъ растеніямъ, не могли насытить любопытства, рвали съ жадностію прелестные цвѣты, и вскорѣ наполнили ими себѣ горсти, но ботаники настоящіе хладнокровно смотрѣли на знакомыя уже имъ давно растенія, а на насъ взглядывали съ улыбкою, будто на дѣтей, попавшихъ въ цвѣтникъ безъ надзора. Полноте задориться, говорили они намъ, пора

ѣхать! Мы сѣли въ повозки, махнули во весь апоръ, и по гати переѣхали чрезъ безбрежную рѣчку, образовавшую большое болото или топь.

За этимъ болотомъ возвышается Веселая-Гора, на которую лошади стали подниматься шагомъ. Любо нестись на лихой тройкѣ по равнинѣ; скучно подниматься на той-же тройкѣ на гору. Какой-то внезапный переходъ отъ живости къ флегматизму, отъ разнообразія къ однообразію. Отъ скуки, мы принялись разсматривать собранные цвѣты, удивлялись ихъ яркости, величинѣ цвѣтовъ, и сожалѣли, почему они безъ запаха, кромѣ орхиса, отъ котораго пахло слабо гіацинтомъ; вскорѣ наскучили намъ цвѣты, и мы безъ сожалѣнія выкинули ихъ изъ повозки.—Таковъ человѣкъ: всѣмъ хочетъ завладѣть, и покидаетъ то, что имѣлъ.

Когда идетъ рѣчь о горахъ сибирскихъ, тогда выкинуть должно изъ головы всѣ россійскія горы, даже знаменитую Дудоровскую,—она ушла бы въ составъ любой сибирской горы, и потерялась бы въ ней. О сибирскихъ горахъ можетъ имѣть понятіе тотъ, кто видѣлъ горы швейцарскія или кавказскія.

Мы вышли изъ повозки съ тѣмъ, чтобы пѣшкомъ подняться на веселую гору, но силъ достало у весьма немногихъ, слабые лѣзли опять въ повозки, съ тѣмъ, чтобы добрые, послушные кони помогли имъ достигнуть цѣли. Наконецъ мы поднялись на самую вершину горы, и всѣ вышли изъ повозокъ. За нами внизу лежалъ городъ Иркутскъ, на краю горизонта рисовались въ отдаленіи Тункинскіе гольцы, красноватый цвѣтъ обнаруживалъ ихъ гранитный составъ, а бѣлыя площадки убѣждали, что они покрыты еще снѣгомъ, хотя до нихъ было не менѣе 100 верстъ; видопись превосходная.

Въ Европѣ такое мѣстоположеніе давно бы нарисовано было, выгравировано и красовалось бы въ нашихъ комнатахъ на стѣнахъ, на посудѣ и т. п., но въ Сибири хотя и бывали рисовальщики-любители, однакожъ никто не ви-

дить сибирскихъ видописей: онѣ покоятся въ альбомахъ; издавать ихъ нѣтъ возможности, потому-что работа будетъ стóить дорого, а выручка за труды не искупитъ расходовъ. Иностранныя гравюры наводняютъ старый и новый свѣтъ, а наши путешествуютъ по большимъ городамъ Россіи, но и здѣсь дорогая цѣна отталкиваетъ покупателей. Я говорю не въ укоръ настоящему поколѣнію: времени не опередишь.—Внуки наши будутъ смѣяться надъ западною Европою, одряхлѣвшею, спискивающею пропитаніе фокусами, ломкою тѣла, шарлатанствомъ и другими средствами, которымъ предаются обыкновенно народы, обѣднѣвшіе отъ недостатка земель.

Веселая-Гора есть кряжъ Богъ знаетъ какихъ горъ, назовемъ ихъ Иркутскими; онъ тянется отъ сѣвера на югъ и покрытъ березникомъ, слѣдовательно, имѣетъ черноземную почву, богатую урожаемъ хлѣба; но теперь нѣтъ на немъ ни одной пашни. Ученый агрономъ вздохнулъ бы, смотря на ужасную полосу безподобной земли, оставленную безъ обработанія. Что́ бы сдѣлали въ Европѣ изъ земли такого качества?—сказалъ бы онъ. Но позвольте, милостивый государь, въ Европѣ нѣтъ пустопорожнихъ земель потому, что тамъ недостаетъ земли для количества народа, а въ Иркутскомъ уѣздѣ приходится жителей на одну квадратную милю 55 человѣкъ, между-тѣмъ, какъ въ Англіи на то же пространство приходится около 5,000, а во Франціи, Пруссіи и Австріи болѣе трехъ тысячъ. Могутъ ли при такомъ народонаселеніи оставаться необработанныя земли? Я люблю смотрѣть на сибирскую пустоту, какъ на богатый запасъ для будущихъ поколѣній, и радуюсь величію Россіи въ грядущемъ. Вирей сказалъ: Россія поглотитъ Европу; эту же мысль повторилъ и великій Наполеонъ, а ему, кажется, можно повѣрить.

Съ Веселой-Горы мы спустились къ рѣчкѣ и деревнѣ Кажлуку; тутъ опять стали подниматься на гору, съ вершины которой мы увидѣли передъ собою безконечную ра-

вину, на которой видѣлись деревни, табуны скота и пашни; тутъ же струилась рѣка Куда̀, небольшая и небыстрая.

Вотъ и обработанная земля! Ямщикъ нашъ разсказалъ, что внизу подъ горою деревня Куда̀, прямо за рѣкою Хомутова, налѣво Познякова, и что ниже по рѣкѣ Кудѣ лежатъ большія деревни Гранавщина, Урикъ и Усть-Куда, всѣ они принадлежатъ къ волости Кудинской, въ которой болѣе четырехъ тысячъ ревизскихъ душъ.

Въ Хомутовой мы перемѣнили лошадей и поскакали впередъ по равнинѣ безлѣсной, и не видали ни пашенъ, ни сѣнокосовъ, однакоже скотъ бродилъ тамъ-и-сямъ въ безпорядкѣ. Мы обратились къ ямщику съ вопросомъ: почему равнина, столь прекрасная, запущена безъ обработки? Нельзя, сударь, отвѣчалъ онъ, здѣсь скотскій выгонъ трехъ деревень!

Скотскій выгонъ—слово неизвѣстное въ Россіи, а въ Сибири общая принадлежность городовъ и селеній. Тамъ каждый городъ имѣетъ пяти, а каждая деревня $2^1/_2$ верстную окружность, единственно для подножнаго корма скота, и площадь эта окружена городьбою изъ длинныхъ жердей; городьба называется *поскòтиною*; за нею лежатъ пашни и сѣнокосы; въ Сибири, подъѣзжая къ деревнѣ, остановитесь за $2^1/_2$ версты у воротъ поскòтины, сторожъ отворитъ ихъ. Выѣхавъ изъ деревни, опять встрѣтите поскòтину. 1-го октября снимаютъ въ поскòтинѣ ворота, и скотъ гуляетъ по зеленымъ озимямъ до глубокихъ снѣговъ. 1-го мая ворота навѣшиваютъ, и скотъ довольствуется однимъ только выгономъ—вотъ первая черта, характеризующая сибирскія селенія. Вторая—тамъ нѣтъ сплошныхъ домовъ, нѣтъ глухихъ темныхъ дворовъ, нѣтъ курныхъ избъ, но главное, Сибирячки необыкновенно опрятны: мало-того, что въ избѣ у нихъ полъ, стѣны, лавки, столы, косяки у оконъ вымыты до желтизны дерева, нѣтъ, у нихъ вымыты мостки во дворѣ и стѣны дома съ улицы. Послѣднимъ дѣломъ занимаются

только передъ большими праздниками, и то необыкновенныя опрятницы. Сибирячки и Малороссіянки опрятны, какъ чистые Славяне. Опрятность въ Сибири начинается съ Пермской губерніи; но если въ деревнѣ поселился хохолъ, домъ его вы тотчасъ узнаете: онъ выбѣленъ известкою.

Мы переѣхали деревню Турскую, и въѣхали въ большое село Оёкъ; въ немъ болѣе 300 домовъ, изъ нихъ нѣкоторые выстроены на городской манеръ. Оёкская волость считается второю въ губерніи, по населенности; въ ней 5,000 ревизскихъ душъ. Жители промышляютъ земледѣліемъ и извозомъ. У одного изъ крестьянъ болѣе 100 десятинъ подъ пашнею, но подобные примѣры въ Сибири не рѣдкость. Земля здѣсь черноземная, не требуетъ удобренія, и при трехпольномъ земледѣліи существуетъ въ разработкѣ болѣе ста лѣтъ. Навозъ кидается въ рытвины и овраги, какъ матеріялъ ни къ чему негодный. Только малая часть его идетъ для удобренія грядъ въ огородахъ подъ огурцы и капусту. Изобиліе въ земляхъ даетъ возможность имѣть большіе огороды; нетолько въ деревняхъ, но даже въ городахъ при каждомъ домѣ непремѣнно огородъ съ овощами, а потому огородничество здѣсь неизвѣстно. На рынки овощи привозятъ крестьяне. Картофель стали разводить съ половины прошедшаго столѣтія; онъ такъ распространился и пришелъ по вкусу, что составляетъ главную пищу въ посты. За картофелемъ слѣдуетъ табакъ простой или тютюнъ съ желтыми цвѣтами, выписанный бывшимъ здѣсь губернаторомъ, незабвеннымъ Кличкою. Табакъ этотъ грубъ, съ дурнымъ запахомъ и въ грядахъ гибнетъ отъ перваго мороза, а потому Сибирячки ломаютъ его незрѣлый, около 15 августа, урочнаго времени для инеевъ, или утреннихъ морозовъ. Табакъ американскій,съ розовыми цвѣтами,не боится морозовъ, но удивительно, почему не распространился между народомъ, хотя сѣмяна и были нѣсколько разъ даваны крестьянамъ.

Рождается вопросъ, куда жители сбываютъ свой табакъ?

Во-первыхъ рѣдкій Сибирякъ не куритъ или не нюхаетъ табаку. Во-вторыхъ Тунгусы, Буряты, Якуты, словомъ, всѣ инородцы—страстные курители. Даже прекрасный полъ не уступаетъ модницамъ дѣвицамъ въ куреніи вредной травки, столь удачно располагающей къ чахоткѣ, особливо же при содѣйствіи корсета. Табакъ въ Иркутскѣ, на рынкѣ, изъ первыхъ рукъ, стоитъ иногда 5 рублей серебромъ за пудъ, а такія деньги, при дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, не бездѣлица для женщины. Въ Петербургѣ существуетъ пристрастіе къ кофе, а въ Сибирячкахъ гнѣздится наклонность къ чаю, тамъ чай подаютъ гостямъ въ каждое время, днемъ и ночью. Въ укоръ хозяину говорятъ: онъ не напоилъ даже чаемъ! Въ купеческихъ домахъ кипитъ самоваръ съ утра до глубокой ночи: одинъ пустъ, подаютъ другой. Можно ли охуждать подобное обыкновеніе? Говорятъ, что теплая вода ослабляетъ желудокъ, располагаетъ къ простудѣ,—можетъ-быть, но съ другой стороны, чай отнимаетъ охоту къ пьянству, имѣетъ питательность, и зимою скоро согрѣваетъ. Чай имѣетъ менѣе наркотическаго свойства, нежели кофе; говорятъ, что онъ сушитъ, но если допустить въ немъ питательность, останется ли мѣсто сушенію? Народъ въ Сибири пьетъ чай съ китайскимъ леденцомъ; положивъ за щеку леденецъ, пьютъ по десятку чашекъ.

Крестьяне въ Сибири одѣваются лѣтомъ въ шинели изъ сукна своей работы; цвѣтъ его обыкновенно коричневый. На этой шинели узкій кратенъ, какъ у нашихъ плащей. Кушакъ шерстяной, своей же работы, у богатыхъ шолковый, разноцвѣтный, полосами. Ихъ ткутъ въ Иркутскѣ особенныя мастерицы, изъ китайскаго кручонаго шолка. На головѣ шляпа нижегородская, поярковая, съ широкими полями. У небогатыхъ шляпа своедѣлка, изъ овечьей шерсти; узкія поля у нея загнуты къ тульѣ. Удивительно! Точно такія же валеныя шляпы у мужиковъ бѣлорусскихъ. Неужели какой-нибудь Бѣлоруссъ передалъ Сибирякамъ фа-

сонъ своихъ шляпъ. А можетъ-быть, при этомъ случаѣ подтверждается истина, что одна и та же идея, одно и то же открытіе могутъ проявляться у народовъ, раздѣленныхъ неизмѣримымъ разстояніемъ.

Лаптей Сибиряки не знаютъ, во-первыхъ потому, что въ Сибири нѣтъ липы, а во-вторыхъ, почти каждый изъ нихъ умѣетъ выдѣлывать сапожныя кожи, у каждаго есть коровы и быки, а потому Сибирякъ носитъ или чарки, родъ котовъ, или ѝчиги, обувь татарская, въ родѣ наши́хъ домашнихъ сапоговъ, только ѝчиги обиваются около берца ремнями, вѣроятно для того, чтобы плотнѣе сидѣли. Чарки также привязываются къ ногѣ обо́рками, или узкою шерстяною тесьмою. Чулки обыкновенно шерстяные, онучъ не знаютъ. Рубашки у Сибиряковъ невсегда холщевыя, но чаще изъ дабы́, синяго бумажнаго холста изъ Китая. Выше дабы стои́тъ полушелковица, тоже китайская ткань изъ шолка и хлопчатой бумаги, рѣдкая, узловатая, цвѣтомъ блѣднокрасная. Наконецъ, верхъ щегольства есть рубашки изъ фа̀нзы, шолковой китайской матеріи, похожей на лучшую тафту.

Въ домашнемъ быту видно всеобщее изобиліе. Хорошій домъ, нерѣдко съ чистою горницею назади, во дворѣ амбары и сараи, за домомъ большой огородъ съ овощами. У рѣдкаго нѣтъ солонины для щей лѣтомъ, у каждаго молоко и густой творогъ, яица, картофель, рѣдька, морковь, рѣпа и капуста. Хлѣбъ всегда сѣянный сквозь частое сито. Пшеничный похожъ на петербургскій пеклеванный. Въ воскресенье каждая хозяйка печетъ ша̀ньги или кислыя ватрушки съ творогомъ, и это печенье носитъ названіе *мягкихъ* въ-продолженіе цѣлой недѣли. Баба, встрѣтясь съ другою, говоритъ: мы сегодня пекли *мягкія*, тутъ разумѣются *ша̀ньги*, булки и пр.

Языкъ здѣсь вологодскій, старинный, потому-что первые поселенцы пришли сюда изъ Вологды, Тотьмы, Устюга и другихъ городовъ. Языкъ, ими занесенный, сохраняется до-

нынѣ, съ прибавкою мѣстныхъ словъ; вышедшія изъ употребленія слова здѣсь въ ходу и силѣ; напр: слово *дивно*, значитъ и порядочно, и довольно много. Если спросите у Сибиряка: много ли у тебя скота? Онъ скажетъ: дивно! Это значитъ немало. Далеко ли до такого-то мѣста? *Дивно!* т. е. неблизко. Сколько лѣтъ прошло, какъ былъ у васъ головою такой-то? Дивно!—это значитъ нѣсколько годовъ. Слово *однако* значитъ здѣсь сомнѣніе; напр: Однако ты, братъ, взялъ,—значитъ: Чуть ли не ты, братъ, взялъ. *Шу*, значитъ нерѣдко *да*.

За деревнею Оёкомъ другая жизнь, нравы и физіономія. Здѣсь, на широкой степи, по теченію рѣчекъ Куду, Дзонъ-Мурана, Кунды и другихъ кочуютъ Буряты, племя монгольское, поселившееся здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Китайскіе историки намекаютъ о народахъ, здѣсь обитавшихъ въ VI столѣтіи послѣ Рождества Христова. Буряты не живутъ деревнями, но улусами. Нѣсколько юртъ, разбросанныхъ однакожъ на большомъ пространствѣ, составляютъ улусъ. Въ нихъ живутъ временно, напр. лѣтомъ; настала осень, и Буряты разсѣваются кому-куда любо, по зимнимъ улусамъ. Такой образъ жизни есть слѣдствіе необходимости: пастухъ гоняется за травою, и на одномъ мѣстѣ жить не можетъ.

Юрты у здѣшнихъ Бурятъ не войлочныя, какъ за Байкаломъ или въ Монголіи, но бревенчатыя восьмиугольныя. Внутри посрединѣ горитъ вѣчно огонь; дымъ выходитъ въ отверстіе, сдѣланное въ кровлѣ, прямо надъ огнемъ. Двери на полдень. Ни столовъ, ни стульевъ нѣтъ; Буряты сидятъ на полу, сложивъ ноги кренделемъ, и отъ нечего дѣлать курятъ табакъ. На степи между селомъ Оёкомъ и рѣкою Леною считается ихъ тысячъ до пятнадцати мужескаго пола. Окруженные Русскими, они давно переняли отъ нихъ земледѣліе, и чуть ли не превзошли въ этомъ дѣлѣ своихъ учителей. Древнее обыкновеніе наводнять искусственно луга и пашни въ большомъ употребленіи у Бурятъ. Они запру-

жаютъ какую-нибудь рѣчку фашинникомъ, и проводятъ изъ нея каналы, которые, въ свою очередь, раздробляются на множество другихъ каналовъ, и вода разливается по лугамъ и пашнямъ. Русскіе не могутъ въ этомъ дѣлѣ подражать Бурятамъ, потому-что пашни свои располагаютъ по возвышенностямъ и скатамъ горъ. За-всѣмъ-тѣмъ здѣшніе Буряты бѣдны, между ними нѣтъ такихъ богачей скотомъ, какіе есть за Байкаломъ. Многіе пустились въ спекуляціи, гоняютъ въ Иркутскъ скотъ. Другіе торгуютъ пушнымъ товаромъ по домамъ въ городѣ, Въ Иркутскѣ они появляются зимою, и квартируютъ около мясныхъ рядовъ, гдѣ бойни; тутъ за ничтожную плату получаютъ они кишки, требушину и кровь, на снѣдь. Квартиру занимаютъ самую грязную, напр. баню, избу, давно брошенную. Тутъ они располагаются для ночлега и ѣды, остальное время проводятъ въ движеніи по домамъ и рынкамъ. Зиму и лѣто ходятъ они въ шубахъ изъ овчинъ; рукава у шубы широкія, но въ кисти узкія; въ нихъ помѣщаютъ они соболей, бѣлку, лисицъ и другія шкуры. Бурятъ придетъ въ домъ купца и предлагаетъ соболей; въ рукахъ у него нѣтъ ничего; но лишь вы изъявили согласіе купить, Бурятъ вытаскиваетъ изъ рукава соболя, другаго, третьяго и такъ далѣе; иногда мѣняютъ они свой товаръ на старое платье, мѣдный и оловянный ломъ, а деньги серебряныя покупаютъ какъ товаръ, для женскихъ украшеній и разныхъ подѣлокъ.

Буряты дома питаются преимущественно пареною рожью: насыплютъ зерень въ чугунную чашу, налютъ воды, закроютъ деревяннымъ колпакомъ и поставятъ на огонь. Когда рожь упрѣетъ, подливаютъ молока, смѣтаны, масла, что̀ случится, и хлѣбаютъ деревянными ложками своей работы, а чаще просто рукою. Хлѣбовъ печь не умѣютъ, да и негдѣ. Муку̀ мелютъ на русскихъ мельницахъ только для продажи.

Языкъ сильно отсталъ отъ монгольскаго, такъ что Бурятъ забайкальскій съ трудомъ понимаетъ иркутскаго.

Удивительно, какъ животныя умѣютъ различать Русскаго отъ Бурята. Русская лошадь не позволитъ сѣсть на себя Буряту. Когда Бурятъ придетъ во дворъ къ Русскому, всѣ собаки залаютъ и бросятся на пришлеца, тоже бываетъ и при входѣ Русскаго въ бурятскій улусъ. Вѣроятно, животныя привыкаютъ къ испаринѣ своихъ хозяевъ, и чувствуютъ испарину другаго поколѣнія.

Здѣшніе Буряты не имѣютъ никакой религіи, а слѣдуютъ однимъ преданіямъ. Въ болѣзни, несчастіи, неудачѣ призываютъ шамана.—Онъ пѣніемъ, криками, возліяніями умилостивляетъ или прогоняетъ духа, озлобленнаго и мстительнаго. Человѣкъ, непросвѣщенный религіей, вездѣ и всегда создавалъ духовныя существа по своимъ понятіямъ, надѣлялъ ихъ страстями, помѣщалъ на небѣ, подъ землею, словомъ, тамъ, гдѣ не бывалъ самъ, и духи эти требуютъ пищи, подарковъ, они больше злы, нежели добры, ихъ легко разсердить, но трудно умилостивить. У Бурята каждое мѣсто, чѣмъ-нибудь необыкновенное, даже высокая сосна, лиственница или кедръ, стоящія гдѣ-нибудь отдѣльно, есть обиталище какого-нибудь духа. Бурятъ подъѣзжаетъ верхомъ къ священному кедру, слѣзаетъ съ лошади, кланяется и бросаетъ какую-нибудь вещицу, даже волосы изъ гривы лошади. Подлѣ каждаго священнаго мѣста возвышается куча хламу.—Это обо или жертвенная куча. Иногда возрастаетъ она до величины копны сѣна; но до столь счастливаго возраста весьма трудно ей достигнуть: какой-нибудь русскій шалунъ мимоѣздомъ выкинетъ изъ трубки горящій табакъ, и на мѣстѣ обо остается одно пепелище. Буряты не заботятся объ отысканіи истребителя, и снова начинаютъ возстановлять обо, какъ муравьи свой муравейникъ. Удивительно, обо существуетъ во всемъ монгольскомъ народѣ, вы увидите его въ верховьяхъ рѣки Лены, увидите за Байкаломъ до великой-стѣны, увидите у астраханскихъ Калмы-

ковъ.—Значитъ, въ древности народы эти жили на пространствѣ незначительномъ, исповѣдуя одну вѣру.

Равнина, занятая Бурятами, представляетъ какую-то патріархальность. Вы видите разбросанныя юрты, онѣ напоминаютъ вамъ кущи Израильскаго народа. Утромъ изъ каждой юрты струится къ небу дымокъ. Лошади, коровы и овцы наполняютъ промежутки на полѣ; въ воздухѣ трепещутся жаворонки и воспѣваютъ утреннюю пѣснь Творцу. Представьте, что въ этихъ юртахъ обитаетъ беззаботность, довольствіе малымъ и здоровье. Сравните степное человѣчество съ жителями какой-нибудь европейской столицы напр. Парижа, и вы изумитесь алчности человѣка, покинувшаго природу и предавшагося развращенію. У насъ толкуютъ о комфортѣ, а что́ такое онъ? удобность выполнять всѣ привычки и прихоти развращенія. Простъ образъ жизни у Бурятъ, но Тунгусъ еще ближе его къ природѣ. Всѣ дикіе народы удивительно честны и гостепріимны.

Подлѣ станціи Шведово-Зимовье или Усть-Ордынской, рѣка Куда́ есть уже ручеекъ, чрезъ который однакожь переѣзжаютъ по мосту. Она выходитъ недалеко отсюда изъ ключей. Горъ невидно, а степь въ иныхъ мѣстахъ сливается съ горизонтомъ. Это большая рѣдкость въ Восточной Сибири, покрытой горами.

До станціи Хойготъ мы ѣхали все по якутской дорогѣ. Отсюда направо лежитъ проселочный путь къ острову Ольхану. Проселочный путь—мысль непріятная; воображеніе рисуетъ всѣ неудобства первобытныхъ путей, всѣ лишенія, всѣ недостатки.—Однакожъ на проселочномъ пути есть станціи, есть даже селеніе, а у людей есть и пища и кровъ отъ непогоды. Чего же бояться!

Лошади уже въ пово́зкахъ, мы сѣли. Садись! закричалъ одинъ изъ мужиковъ, стоявшихъ у воротъ. Ямщикъ прыгнулъ на козлы, ворота распахнулись, и бѣшеная тройка бросилась во весь опоръ. Такъ водится почти въ цѣлой Сибири. Лошади все лѣто ходятъ въ полѣ, отъѣдаются и ди-

чаютъ, а если и попадутся въ упряжку, то до старости сохраняютъ степныя привычки. Какъ скоро увидятъ ямщика на козлахъ, а ворота настежъ, бросаются со всѣхъ ногъ, и тогда никакая сила не удержитъ ихъ.

Въ Германіи, напр., лошадь родится и умираетъ въ конюшнѣ, и такъ привыкаетъ къ человѣку, что повинуется его голосу; выведенная на улицу, къ станціи, сама становится подлѣ дышла кареты, и спокойно ожидаетъ запряжки, управляется на бѣгу одною вожжею, и не разбѣжится, не испугается ни въ какомъ случаѣ. Шагъ у нея ровенъ, какъ нѣмецкая точность. Какое сравненіе лошади нѣмецкой съ сибирскою!

Дорога шла по равнинѣ, до горы, черезъ которую мы перевалились, и спустились къ рѣчкѣ Мáнзуркѣ. Еще на горѣ замѣтили мы ожидаемую проселочность: корни, камни и рытвины. Подъ горою же присоединились къ нимъ мокретины и оводы съ комарами и мошкою. 13 верстъ терпѣли мы горе, до станціи Унгуры, и думали тамъ найти какой-нибудь обѣдъ. Но увы! станція Унгура состояла изъ одной избы и бурятской юрты. У ямщиковъ былъ хлѣбъ и солонина. Есть ли у васъ молоко, яица? спрашивали мы. — Ни коровъ, ни куръ не держимъ, некому ходить за ними.— А есть ли вблизи селеніе? Есть, Косая-Степь, куда вы поѣдете, а до нее 40 верстъ!

Мы велѣли подать воды, и съ дорожными сухарями она составила вкусный обѣдъ. Тутъ мы убѣдились въ справедливости пословицы, что голодъ самая лучшая приправа ко всякому кушанью.

Сѣли въ повозки и, перекрестясь, пустились по сорокаверстному разстоянію. Дорога шла, что̀ называется, съ горки на горку; настоящихъ горъ не встрѣчали. Повсюду возвышался сосновый и лиственичный лѣсъ; тетери и глухари безпрестанно слетали съ земли, испуганные нашимъ приближеніемъ; полуобнаженныя коренья лежали поперегъ дороги и производили въ экипажахъ несносные толчки и по-

трясенія, и каждый изъ толчковъ непостижимо ударялъ какъ-то въ мозгъ. Къ нимъ присоединились камни въ обломкахъ и кругляка́хъ. Кто не согласится, что при такихъ условіяхъ непріятно путешествовать.—Наконецъ возвышенія миновались, мы спустились на сырую долину, къ рѣчкѣ Адъ; тутъ сѣнокосы. Долго мы колыхались по кочкамъ, вязли въ грязи, ужъ конечно не по ступицу, а такъ себѣ, марали только колеса; наконецъ пріѣхали *къ черемховому кусту*. Это не мѣстечко, не деревня, а буквально черемховый кустъ, примѣчательный тѣмъ, что изъ-подъ него выходитъ рѣчка Бугульдѐиха, ключикомъ, вершка въ два шириною. Тѣ, которые видѣли рѣчку эту въ устьѣ при впаденіи въ Байкалъ, задумались, размышляя, какъ изъ ничтожества происходятъ большія вещи. Да, рѣка представляетъ намъ подобіе возраста человѣческаго: слабый Чингисъ-Ханъ младенецъ, возмужавъ, сдѣлался завоевателемъ вселенной. Рѣка чѣмъ ближе къ смерти, къ уничтоженію, тѣмъ шире и глубже становится, но теряетъ быстроту и соединяется съ водами ненасытнаго чудовища океана. И человѣкъ тишѣетъ подъ старость и соединяется съ землею, изъ которой взятъ.

Рѣчка Бугульдѐиха извѣстна всему Иркутску, потому-что передъ устьемъ ея въ Байкалѣ ловятъ подледныхъ омулѐй, вкуснѣйшихъ изъ всѣхъ сортовъ омулѐй байкальскихъ. Другая примѣчательность:—между устьемъ этой рѣчки съ одной и устьями рѣки Селеньги съ другой, самое узкое мѣсто въ Байкалѣ; его полагаютъ нешире 30 верстъ.

Наконецъ пріѣхали мы въ Косую Степь. Деревня эта лежитъ между горами, на рѣчкѣ Бугульдѐихѣ.—На улицахъ грязь, а въ воздухѣ сырость. Деревянная церковь, десятка два, три домовъ, и все тутъ. Далѣе къ Байкалу нѣтъ русскихъ селеній, нѣтъ ихъ и по сторонамъ. Косая-Степь словно сирота на чужой сторонѣ. Трудно понять, какія выгоды привлекли сюда человѣка, вѣрно онѣ существовали прежде, иначе не распространилось бы селеніе. Теперь хлѣбъ родится не каждый годъ хорошо, звѣриные промы-

слы неважны, только ловъ подледныхъ омулéй въ Байкалѣ сколько-нибудь удовлетворителенъ.

Отъ Косой Степи дорога идетъ на востокъ, по горамъ, обросшимъ густымъ лѣсомъ. Здѣсь мы встрѣтили дикую козу, или по здѣшнему козулю, она лежала почему-то на дорогѣ и подпустила насъ къ себѣ довольно близко, но вдругъ вспрыгнула и бросилась въ лѣсъ. Ямщикъ на козлахъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія. Ахъ какъ бы ружье! вскричалъ онъ, а мы смотрѣли на исчезавшую между высокими соснами козу, какъ на явленіе неожиданное и занимательное. Вскорѣ мы спустились въ глубокую ложбину, по здѣшнему падь, и вдругъ насъ обдало холодомъ. Ямщикъ объяснилъ, что эта падь идетъ отъ самаго Байкала, а какъ вѣтеръ дуетъ теперь съ другой стороны моря, то и холодъ съ Байкала несется по пади. Отсюда дорога идетъ на сѣверъ, до станціи Еланцы. Здѣсь былъ нѣкогда желѣзный заводъ иркутскаго купца Ланина, но давно брошенъ, такъ что теперь и признаковъ нѣтъ.—На станціи намъ подали кусочекъ минерала, это было самородное желѣзо; значитъ руды здѣшнія весьма богаты.

Природа совершенно перемѣнилась; вмѣсто горъ, покрытыхъ лѣсомъ, тянутся голые невысокіе хребты изъ глыбъ или плитъ кварца, полеваго шпата; иногда попадается и гранитъ. Между горами тянутся узтія лощины, покрытыя скудною травою. Нѣтъ ни ручья, ни рѣчки, вездѣ голо и пустынно. Трудно сыскать въ Сибири подобное мѣстоположеніе и природу, столь тощую. Окрестности Іерусалима походятъ на здѣшнее мѣсто; недостаетъ только палящихъ жаровъ.

Отъ станціи до Степной-Думы ольханскихъ Бурятъ 30 верстъ, и природа точно таже. Кое-гдѣ виднѣются бурятскія юрты, кое-гдѣ бродитъ скотъ, вездѣ голыя, каменистыя горы. Скучно смотрѣть на безплодную землю, такъ точно жителю тучныхъ равнинъ скучно смотрѣть на какой-нибудь Парижъ, составленный изъ камней, воздвигнутыхъ утесами,

въ пустотѣ которыхъ живутъ люди, вдыхающіе испорченный воздухъ.

Ольханскіе Буряты переселились сюда съ рѣки Лены едвали не въ XVI столѣтіи; однакожъ всѣ они помнятъ свое происхожденіе. Въ XVII столѣтіи нашли ихъ Русскіе и обложили ясакомъ.

Скотоводство, звѣриные и рыбные промыслы поддерживаютъ ихъ бытъ. — О хлѣбопашествѣ нечего и думать. Жилища Бурятъ разбросаны по узкимъ, сухимъ долинамъ, гдѣ юрта, гдѣ двѣ. Часть ихъ живетъ на островѣ Ольханѣ. Кое-гдѣ есть бѣднѣйшіе ключики воды; въ иныхъ мѣстахъ выкопаны глубокіе колодцы, а въ иныхъ мѣстахъ скотъ ходитъ пить изъ Байкала, верстъ за пять. Волки каждую ночь похищаютъ скотъ, а на день прячутся между камнями такъ мастерски, что Буряты не могутъ отыскать ихъ съ собаками. Весьма удобно здѣсь овцамъ и козамъ: они лазятъ по каменнымъ горамъ и щиплютъ питательныя для нихъ однихъ травки. Шерсть ольханскихъ овецъ считается лучшею въ цѣлой губерніи. Каждый годъ продаютъ ее на Тельминскую суконную фабрику до 700 пудовъ, по 2 р. 50 к. за пудъ.

Двѣнадцатый годъ продолжается здѣсь засуха, и только снѣжная вода напаляетъ землю на все лѣто. Засуха близъ моря или большаго озера дѣло невѣроятное, но здѣсь дожди бываютъ при вѣтрахъ сѣверо-западныхъ, югъ и востокъ всегда сухи, а здѣшняя сторона надъ вѣтромъ.

Скотъ перевелся отъ засухи; теперь у самаго богатаго Бурята лошадей до 30, столько же рогатаго скота и овецъ; у самаго богатѣйшаго штукъ до 300. Обыкновенная пища àрса, т. е. осадокъ въ котлѣ послѣ гонки вина изъ молока; его сушатъ на солнцѣ и запасаютъ къ зимѣ. Для употребленія разводятъ водою и подбавивъ муки, ѣдятъ. Многіе вмѣсто чаю пьютъ сухіе листья бадьяна (saxifruga crassifolia).

Доятъ кобылъ, коровъ, овецъ и козъ. Все молоко безъ раз-

личія лыотъ въ одну кадку, и мѣшаютъ особеннымъ инструментомъ. Опрокинутая деревянная чашка насаживается на длинный черенъ, на чашкѣ нѣсколько отверстій; взявши за черенъ чашку, погружаютъ въ молоко до самаго дна;— молоко, пробиваясь въ отверстія чашки, сильно волнуется и окисаетъ. Когда составъ достигаетъ до желанной степени кислоты, ставятъ на огонь чугунный котелъ, наполняютъ его квашенымъ молокомъ и накрываютъ деревянымъ колпакомъ, изъ котораго идетъ изогнутая дугою деревянная труба; конецъ ея погружается въ кубикъ, стоящій въ водѣ. Когда молоко будетъ кипѣть въ котлѣ, пары изъ него спускаются по трубѣ въ кубокъ, охлаждаются, и даютъ такъ-называемый архи, а по-русски тарасунъ, напитокъ слабый, вкусъ молочно-спиртовый, пахнетъ дымомъ. Если передвоить первый взгонъ, выйдетъ водка. Буряты не пускаются вдаль и пьютъ первый взгонъ.

Степная-Дума есть домъ, въ которомъ постоянно живетъ писарь и ведетъ письменныя дѣла, и гдѣ тайша и шуленьги собираются въ важныхъ случаяхъ потолковать о дѣлахъ бощества.

Изъ Думы отправились мы верхами къ Байкалу; до него 15 верстъ. Бурятъ проводникъ ѣхалъ впереди и служилъ намъ какъ бы компасомъ. Дороги нѣтъ, каждый Бурятъ ѣдетъ какъ ему вздумается. Природа таже, т. е. безлѣсныя, каменистыя горы. Въ одной лощинѣ, покрытой изрядною травою, мы увидѣли множество чаекъ, расхаживающихъ по травѣ, съ опущенными внизъ головами. До моря оставалось верстъ десять; зачѣмъ залетѣли такъ далеко отъ воды чайки, и съ какой стати ходить имъ по землѣ покрытой травою? Бурятъ разрѣшилъ наше недоумѣніе. Чаекъ привлекаетъ сюда кобылка, большое насѣкомое въ родѣ саранчи; она питается травою и прыгаетъ далеко, но летать не можетъ, чирикаетъ какъ сверчокъ, и цвѣтомъ бываетъ оранжевая, зеленая и разноцвѣтная. Чайки ловятъ ихъ и цѣликомъ глотаютъ: вѣрно кобылка вкуснѣе рыбы!

Мы ѣхали все черезъ отроги невысокихъ горъ; по сторонамъ горы, вдали горы, такъ что ни малѣйшихъ признаковъ моря не было въ виду. Вдругъ мы остановились на краю утеса; внизу волновался проливъ, а за нимъ возвышался гористый островъ Ольханъ, цѣль нашего путешествія. Какъ исковеркана здѣсь природа! На матерой землѣ горные мысы выдаются въ море и образуютъ заливы, тоже самое и на островѣ Ольханъ, который есть видимое продолженіе матерой земли. Вода изъ моря какъ бы вторгнулась и заняла низкія мѣста. Проливъ въ воротахъ неболѣе двухъ верстъ шириною, далѣе онъ расширяется. Долго мы смотрѣли съ высокихъ горныхъ мысовъ, то на волнующійся проливъ, то на гористый Ольханъ. Ни одной живой души не было на островѣ, онъ какъ неприступная пустыня возвышался передъ нами, и горы его волновались одна изъ-за другой; ни одна изъ нихъ не спускалась однакожь въ море стѣною или утесомъ, но всегда крутою розсыпью, означавшею разрушеніе горно-каменныхъ породъ. На отдаленныхъ горахъ примѣтенъ лѣсъ, чего нѣтъ на матерой землѣ.

Мы спустились внизъ на берегъ моря, и нашли тамъ лодку, а въ ней Бурята гребца. Въ водѣ плавали какіе-то шары грязно-зеленаго цвѣта. Мы доставали ихъ руками, и не могли понять, что́ это за вещество. Шарикъ величиною былъ менѣе куринаго яйца, совершенно круглый, разрѣзанный пополамъ представлялъ въ срединѣ ядро; мы заключили что это молюскъ, никѣмъ неописанный, а слѣдовательно неизвѣстный.

Надобно было переправляться на другую сторону пролива. Бурятъ размахнулъ веслами; на кормѣ никого не было. Вода въ Байкалѣ прозрачна какъ хрусталъ, мы смотрѣли въ глубину, и видѣли какіе огромные камни на днѣ моря и какъ они безпорядочно взгромождены одинъ на другой. Наконецъ глубина увеличилась и дно исчезло. Проливъ волновался порядочно, лодка сильно качалась, а Бурятъ гребъ безъ всякой снаровки. Мы немножко призадумались. Нача-

ли совѣтовать ему держать въ разрѣзъ волнамъ, оказалось, что Бурятъ не понимаетъ русскаго языка. Хорошо, что казакъ бывшій при насъ говорилъ кое-какъ по-монгольски и облегчилъ наши объясненія. Каждый изъ насъ хотѣлъ править кормою, но весла не было, не было даже шеста. Буряты худые мореплаватели; лодка у нихъ русская и пріобрѣтена непозже, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Перевощикъ избранъ цѣлымъ обществомъ изъ самыхъ смѣлѣйшихъ и отважнѣйшихъ.—Вода и море не въ характерѣ Бурятъ; со временъ глубокой древности они принадлежатъ къ народамъ степнымъ.—Имъ даже лѣсъ не по вкусу: монгольская степная лошадь ни за что́ не пойдетъ въ лѣсъ; она боится каждаго дерева, куста сколько-нибудь значительнаго.

Наконецъ мы переправились на островъ Ольханъ, и по узкой ложбинѣ, между каменистыми горами, пошли пѣшкомъ къ ближайшему бурятскому улусу, гдѣ и остановились на ночлегъ.

Островъ Ольханъ въ длину простирается верстъ на сто, а въ ширину верстъ на пятдесятъ. Отъ матераго берега лежитъ въ двухъ верстахъ, а мѣстами дальше. Онъ весь покрытъ горами, которыя возвышаются по мѣрѣ приближенія къ южному берегу. Бо́льшая часть этихъ горъ покрыта лѣсомъ, лиственичнымъ и сосновымъ. На немъ нѣтъ значительныхъ рѣчекъ, но кое-гдѣ текутъ ключики. Ясное доказательство, что горы здѣшнія состоятъ не изъ гранита, который тянетъ изъ воздуха влагу, и пропустивъ ее сквозь волосяныя свои трубочки, выпускаетъ уже водою. Ольханъ слово монгольское, значитъ *сухой*,—названіе совершенно характеристическое. На немъ обитаетъ два рода ольханскихъ Бурятъ, чрезвычайно разсѣянно, по узкимъ ложбинамъ. Иногда подобная ложбина тянется между двумя перпендикулярными утесами, какъ бы между двумя стѣнами. Живущіе вдали отъ береговъ копаютъ колодцы для пойла скота. Здѣшніе Буряты необыкновенно дики; между ними най-

дется много такихъ, которые не бывали на матерой землѣ, не видали Русскихъ. Скотоводство, звѣриные и рыбные промыслы даютъ небогатое содержаніе, о земледѣліи нечего и думать.—Многіе изъ Бурятъ зимою переходятъ по льду со всѣмъ имуществомъ, и поселяются на другомъ берегу Байкала, гдѣ кочуютъ сородцы ихъ, Буряты кударинскіе.

Восточный конецъ острова оканчивается рядомъ камней, высоко-поднимающихся изъ воды, наподобіе столбовъ. Само-собою разумѣется, что Буряты поселили здѣсь духа и при случаѣ клянутся этимъ камнемъ.

Здѣсь Буряту нѣтъ возможности приготовить на зиму сѣна, а потому и покупаютъ его на другой сторонѣ Байкала, у Бурятъ кударинскихъ.

Рыбу омулѣй промышляютъ подо льдомъ неводами съ 1-й недѣли великаго-поста до мая мѣсяца, когда Байкалъ разбиваетъ вѣтрами. Рыбу отвозятъ въ Иркутскъ, для продажи. Недавно стали отправляться на верхнюю Ангару, артелями человѣкъ по 10 и по 20, ловить омулѣй. Нѣкоторые нанимаются у крестьянъ косить сѣно, для чего нужно проѣхать верстъ 80 до русскихъ жилищъ.

Островъ Ольханъ съ противолежащаго берега, отъ Туркинскихъ горячихъ водъ, представляется громадою высокихъ горъ, неутесистыхъ однакожъ, но довольно отлогихъ; видны и камни на верхней или восточной изголови, торчащіе изъ воды. Ольханъ видѣнъ и съ водянаго пути отъ лиственичной станціи къ Посольскому Монастырю, на ту сторону Байкала. Тутъ примѣтно даже его отдѣленіе отъ матерой земли.

Русскіе узнали островъ Ольханъ въ 1643 году. Казачій пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ отправленъ былъ изъ Якутска съ 75-ю человѣками, по бо́льшей части промышленниковъ, къ Байкалу. Онъ шелъ по рѣкѣ Ленѣ вверхъ, до крайней возможности.—Отъ кочевавшихъ Бурятъ узналъ онъ о морѣ Байкалѣ, нашелъ его, и увидѣвъ большой островъ Ольханъ, переправился на него на плотахъ, нашелъ Бу-

рятъ, разбилъ ихъ въ первомъ сраженіи, и обложилъ ясакомъ. Бурятъ было тогда болѣе тысячи душъ, но Ивановъ не разсудилъ строить на Ольханѣ острогъ; даже не было поставлено зимовье, вѣроятно потому, что не нашли удобнаго мѣста. Это покореніе ольханскихъ Бурятъ было первое и послѣднее,—по-крайней-мѣрѣ въ архивахъ нѣтъ свидѣтельствъ о другихъ предпріятіяхъ противъ Ольханцовъ.

У Бурятъ забайкальскихъ есть преданіе, что на одной высочайшей горѣ острова Ольхана стоитъ большой таганъ, принадлежащій Чингисъ-Хану, а какъ онъ попалъ туда, никто не берется объяснить. Чингисъ-Ханъ не бывалъ даже на берегахъ Байкала, а объ островѣ Ольханѣ даже не слыхалъ, будучи занятъ войною съ сильнѣйшими народами. Для Бурятъ все отдаленное, невѣдомое носитъ печать таинственности и населяется чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ.

Мы провели на островѣ Ольханѣ цѣлыя сутки, ѣздили верхомъ по узкимъ ложбинамъ, поднимались на горы, спрашивали Бурятъ о ихъ житьѣ-бытьѣ, но получили отвѣты неудовлетворительные, во-первыхъ потому, что имѣли плохаго переводчика, а главное Буряты не понимали нашихъ вопросовъ,—понятія ихъ весьма ограничены. Ботаники мало нашли любопытнаго на Ольханѣ; одна только трава измодéнъ (Baltaa lunata) удовлетворила ихъ. Травка эта ростетъ и на матерой землѣ. Она выбираетъ возвышенныя равнины, а пересаженная въ огородъ засыхаетъ. Измоденъ походитъ на ерань, такіе же многоразрѣзные, толстые, мохнатые листы, такіе же бѣло-желтоватые цвѣты, только нѣтъ запаха. Трава эта, лѣтъ 20 назадъ сильно вошла въ употребленіе, какъ единственное средство отъ водяной болѣзни, потомъ брошена; теперь Германія опять принялась за измоденъ и выписываетъ изъ Сибири сѣмяна этой травы.

Мы сѣли въ лодку; въ воздухѣ совершенная тишина, что большая рѣдкость на Байкалѣ, солнце склонилось къ западу, и лучи его скользили по гладкой поверхности моря.

Только изрѣдка появлялась рябь на водѣ полосами и чрезъ нѣсколько минутъ исчезала. Воздухъ въ глубокихъ стремнинахъ, примыкающихъ къ озеру, безпрестанно измѣняется въ температурѣ отъ солнечныхъ лучей, и нарушившееся равновѣсіе обнаруживается теченіемъ холода, падаетъ на воду и производитъ легкую рябь.

Намъ захотѣлось полюбоваться живописными пустынными берегами Байкала; пустились вдоль подлѣ берега, и были удовлетворены сверхъ ожиданія: — на мысѣ, выдавшемся въ море, мы замѣтили какъ бы движущихся людей и скотъ. Обратились съ вопросомъ къ нашему гребцу. — Онъ посмотрѣлъ и тотчасъ отвѣчалъ: Тунгусы. Тунгусы! закричали мы, греби сильнѣе и приваливай къ нимъ. Тунгусы были отъ насъ почти въ верстѣ. Мы боялись, чтобъ они, увидя насъ, не откочевали, а всѣмъ намъ хотѣлось видѣть Тунгусовъ, лѣсныхъ обитателей, почти дикихъ, питающихся мясомъ добытыхъ звѣрей.—Тунгусъ рѣдкость въ Сибири, не каждому приведется видѣть его. Они бродятъ въ горахъ и рѣдко приближаются къ русскимъ селеніямъ.

Наконецъ мы доплыли до Тунгусовъ и вышли на землю. При устьѣ рѣчки стояли двѣ берестяныя юрты, около которыхъ бродили олени. Тунгусы стояли подлѣ юртъ и глядѣли на насъ безъ робости, безъ свирѣпости, но спокойно—равнодушно.

Здорово! сказали мы имъ. *Дорово!* отвѣчалъ одинъ Тунгусъ.—Что вы здѣсь дѣлаете? Отвѣтъ былъ на тунгузскомъ языкѣ, котораго никто не понималъ.—Тунгусъ, примѣтивъ наше незнаніе, заговорилъ по-бурятски; тогда, при помощи бурята гребца и нашего казака, мы поняли, что тунгусы пришли на берегъ Байкала для рыбной ловли. Какъ же вы ловите рыбу? спросили мы.—Сѣтями отвѣчалъ Тунгусъ. Нужда первая учительница. Тунгусы плетутъ сѣти изъ тонкихъ оленьихъ жилъ, которыя сучатъ какъ нитки; иногда для сѣтей покупаютъ они нитки у Русскихъ, разумѣется мѣною на шкурки бѣлокъ, лисицъ и т. п. Рыба изъ моря идетъ

въ каждую рѣчку; Тунгусы погружаютъ свою сѣть въ самомъ устьѣ, и вынимаютъ ее за концы, какъ заборъ, вверхъ по рѣчкѣ. Иногда попадетъ пары двѣ сиговъ, харюзовъ, окуней и т. п.; иногда ровно ничего.

Ѣсть нечего, Тунгуска беретъ желѣзный совокъ, идетъ по берегу, или поднимается на гору, и выкапываетъ луковицы сарины, корни полигонумъ, піоновъ и т. п., — все это обмоетъ, положитъ въ котелъ, нальетъ воды и кипятитъ. Корни увариваются, Тунгуска растираетъ ихъ чумичкою и дѣлаетъ родъ каши, прибавляетъ оленьяго молока, и вся семья сыта.—Природа вездѣ готова удовлетворять первыя наши потребности, на каждомъ шагу для насъ пища. — Вольно жъ было намъ удалиться отъ нея?

А какъ простъ домъ Тунгуса, какъ легко и скоро построить его. Тунгусъ останавливается на избранномъ мѣстѣ и тотчасъ срубаетъ десятокъ шестовъ, связавъ ихъ вверху веревкою изъ витой березы или ивы, расширяетъ нижніе концы и ставитъ на землю; выходитъ конусъ. Его одѣваетъ онъ оленьими кожами, или берестою, наверху оставляетъ отверстіе; домъ готовъ; внутри посрединѣ вбиваетъ въ землю три камня, ставитъ на нихъ котелъ, подъ которымъ разводитъ огонь,—кухня готова.

Мы заглянули въ юрту, тамъ валялось нѣсколько звѣриныхъ шкуръ, на которыхъ сидѣла Тунгуска и кормила грудью ребенка; тутъ же стояли кожаныя сумы, сдѣланныя наподобіе ящиковъ. Тутъ все имущество Тунгуса. Два ящика соединены широкимъ ремнемъ, и когда нужно перекочевать, ихъ кладутъ на спину оленя.

Одежда на Тунгусахъ была русская крестьянская, а на Тунгускѣ что-то бурятское.

— Долго ли вы здѣсь простоите? спросили мы.

— Покуда будетъ попадаться рыба, а тамъ пойдемъ къ другой рѣчкѣ. Бабы станутъ ловить рыбу, а мы съ ружьями пойдемъ въ лѣсъ. Богъ дастъ что-нибудь.

— Неужели вы довольны образомъ вашей бродячей жизни? Вы терпите голодъ, холодъ, снѣги, дожди, вѣтры, а Русской, смотрите, живетъ въ теплой избѣ и не боится непогоды; у него скотъ, пашня, хозяйство.

—Тунгусъ веселъ, соскучилось — онъ идетъ на другое мѣсто; не знаетъ трудовъ, ему Богъ даетъ все, онъ не запасаетъ ни пищи, ни дровъ, у него все готово на каждомъ шагу.— Въ лѣсу звѣри и птицы, въ водѣ рыба, а въ землѣ коренья. Мы привыкли къ этой жизни, а въ русской избѣ жарко, душно, мы умремъ.

— А зимою, въ трескучіе морозы, во-время сильныхъ вѣтровъ, юрта не защититъ васъ.

— Зимою мы становимся въ густомъ лѣсу, гдѣ нѣтъ вѣтра, покрываемъ нашу юрту двумя рядами кожъ, разводимъ большой огонь, а спать ложимся подъ шкуры; лишь бы нашлось что поѣсть, а морозы сытому бездѣлица.

— Ну, а случается, напримѣръ, ничего не ѣсть сутки двои, трои?

— Рѣдко, не каждый годъ. Тунгусъ терпитъ голодъ трои сутки, а когда Богъ ничего не дастъ на четвертыя, тогда колемъ оленя. Эта бѣда случается зимою. Море замерзло, въ лѣсахъ глубокіе снѣга, не поднимаютъ человѣка на лыжахъ; тогда мы подкочевываемъ къ русскимъ деревнямъ и беремъ съѣстное въ долгъ, подъ бѣлку, подъ лисицу.

— Бываетъ ли вамъ когда скучно?

— Бываетъ, когда ѣсть нечего!

Мы слушали Тунгуса съ удивленіемъ и раздѣлились на партіи—одна половина ободряла его философію, другая отвергала. Вообще не нравилась она всѣмъ любившимъ поѣсть, попить и пороскошничать. У насъ былъ порядочный запасъ булокъ, чаю и сахару; мы наградили Тунгусовъ этимъ лакомствомъ. Въ простотѣ сердца, они нетолько не благодарили насъ, но видя нашу щедрость, попросили курительнаго табаку. Мы дали сколько могли, и Тунгусы тутъ же закурили изъ своихъ деревянныхъ трубокъ. Дымъ поглощали весь, и когда начинали говорить, онъ валилъ у нихъ изо рта и ноздрей, какъ изъ трубокъ.

— Каковъ нашъ табакъ?

— Хорошъ, только слабъ, совсѣмъ не забираетъ, будто сѣно; мы куримъ черкасской, и на половину прибавляемъ къ нему крошеной пихтовой коры.

Тунгуска, доселѣ скрывавшаяся въ юртѣ, почувствовала табачный запахъ, вышла изъ дверей и смиренно прижалась къ юртѣ. Мы удѣлили и ей частицу табаку. Не теряя времени, она вынула откуда-то свою трубку и тотчасъ закурила. Такъ не одни же наши дамы и дѣвицы любятъ курить табакъ. Дикарки не уступаютъ имъ въ этой забавной модѣ. Надобно согласиться, что табакъ перешелъ къ образованнымъ европейцамъ отъ дикихъ Американцевъ, слѣдовательно, наши дамы и дѣвицы подражаютъ дикаркамъ. Удивительно, какъ могло распространиться употребленіе этой вредной травы, которая съ перваго разу производитъ тошноту и рвоту!

Въ любопытномъ разговорѣ съ Тунгусами, мы не примѣтили, что солнце закатилось, насталъ вечеръ. Мы не разсудили плыть обратно, а рѣшились ночевать на берегу рѣчки. Казакъ нашъ срубилъ два кола съ развилинами на верху, вбилъ ихъ въ землю на сажень разстоянія одинъ

отъ другаго, положилъ въ развилины перекладину, потомъ нарубилъ вѣтвей и покрылъ ими сѣверный бокъ; одинъ конецъ лежалъ на землѣ, другой на перекладинѣ. Вышелъ наметъ; передъ нимъ развели огонь. Мы напились чаю и, завернувшись въ шинели, легли подъ наметъ. Правда, что съ моря дышалъ холодъ, но огонь не допускалъ его до насъ. Вскорѣ мы уснули крѣпкимъ сномъ, и когда пробудились, солнце было высоко. Теперь только мы замѣтили, что весла отъ нашей лодки лежали у насъ въ головахъ. Это для чего? спросили мы у казака.

— Для того, отвѣчалъ онъ, чтобы гребецъ нашъ Бурятъ не уплылъ одинъ назадъ, когда мы спали.

— Да какъ онъ смѣетъ покинуть насъ здѣсь однихъ?

— У нихъ свои понятія ; наскучило—онъ идетъ домой, не заботясь о другомъ.

Все наше имущество и съѣстные припасы были съ нами; возвращаться назадъ въ Степную Думу было не зачѣмъ. Одинъ изъ насъ подалъ мнѣніе: не лучше ли будетъ плыть въ Иркутскъ водою, сперва подлѣ берега Байкала, а потомъ рѣкою Ангарою. Мнѣніе это было одобрено всѣми. Плыть хорошо, только на чемъ? Ольханскую лодку нельзя было угнать въ Иркутскъ, откуда она возвратилась бы мѣсяца черезъ два, и Буряты, остались бы безъ перевоза. Казакъ разрѣшилъ наше недоумѣніе.—Отсюда, говорилъ онъ, верстъ 30 до устья рѣчки Бугульдейхи. Если море будетъ такъ же тихо, какъ было вчера и теперь, мы къ вечеру приплывемъ къ устью рѣчки, а тамъ непремѣнно есть русскіе рыбаки, они два или три раза въ недѣлю плаваютъ съ рыбою въ Иркутскъ, и вотъ вамъ попутчики. Только надобно уговорить нашего гребца Бурята, дайте ему пятирублевую ассигнацію и дѣло будетъ слажено.

Бурятъ недолго сопротивлялся; пятирублевая произвела на лицѣ его улыбку.—Только дайте же мнѣ записку, что вы заставили меня плыть до рѣчки Бугульдейхи, а то въ Степной Думѣ не повѣрятъ мнѣ.

Мы напились чаю, простились съ Тунгусами и поплыли на гребляхъ по Байкалу, въ полуверстѣ отъ берега.—Природа пустынна и дика, весь берегъ состоитъ какъ бы изъ одной сплошной горы, разрѣзанной мѣстами глубокими стремнинами, или, по здѣшнему, падями, на днѣ которыхъ непремѣнно текла рѣчка или ключъ. Въ иныхъ мѣстахъ горы спускаются прямо утесами въ море, въ иныхъ мѣстахъ есть отлогіе, узкіе берега. Съ часъ мы сидѣли въ лодкѣ, сдѣлалось скучно: вода и гора все одно и то же. Мы велѣли привалить къ берегу и пошли пѣшкомъ; кто ботанизировалъ, кто поднималъ камушки съ берегу.—Между ними находили мы нефриты зеленоватые и чорные. Но всего занимательнѣе была бодяга (spangia baikalensis.) Она походила на вѣтвистый кораллъ, но состояла изъ ноздреватаго сѣрожолтаго вещества. На глубинѣ пяти саженъ видно, какъ ростетъ она на днѣ моря, по большимъ камнямъ.—Волнами отрываетъ ее и выкидываетъ на берегъ.

Въ полдень мы остановились, вскипятили чайникъ, напились чаю и растянулись въ лодкѣ какъ мертвые, и когда проснулись, устье рѣчки Бугульдéихи было у насъ въ виду. Какое счастіе! мы нашли здѣсь рыбаковъ, которые съ лодками, полными харицовъ и сиговъ, отправлялись завтра поутру въ Иркутскъ. Назавтра мы встали до восхожденія солнца; дулъ баргузинъ, вѣтеръ намъ попутный, сѣли въ двѣ лодки, подняли парусъ, и маршъ впередъ. Въ иныхъ мѣстахъ мы шли въ полуверстѣ отъ берега, въ другихъ далѣе, если впереди былъ какой-нибудь мысъ. Качка была самая ничтожная, и никто изъ насъ не почувствовалъ морской болѣзни. У станціи Голоустной видна широкая равнина, горы удалились отъ рѣчки и морскаго бе-

рега; въ 19 верстахъ отсюда стоитъ на берегу пустынная станція Кадильная; она содержится только зимою, когда путь черезъ Байкалъ лежитъ по льду. Мы не плыли, а летѣли. — Часа черезъ три зачернѣлъ вдали мысъ Лиственичный; мы его обогнули, увидѣли на берегу станціонный домъ и этапъ для препровожденія арестантовъ. Отсюда увидѣли истокъ Ангары. Море какъ бы раздѣлилось на два пролива: правой пошелъ въ Ангару, а лѣвой въ Култукъ или югозападное окончаніе Байкала; высокій горный мысъ стоитъ какъ неприступная твердыня и раздѣляетъ воды на два отдѣленія. Налѣво, на другой сторонѣ моря, видны горы, покрытыя снѣгомъ, онѣ возвышаются недалеко отъ устья рѣчки Снѣжной. Среди лѣта снѣгъ не стаиваетъ, но садится и темнѣетъ.

Отъ Лиственичной станціи мы вышли изъ вѣтра и должны были плыть на гребляхъ. Вскорѣ оказалось теченіе моря въ Ангару, и это называется по сибирски поносомъ, отъ слова нанесло. Болѣзнь же поносъ называютъ Сибиряки мутомъ. Быстрина увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ истоку рѣки Ангары. Вдругъ мы увидѣли порогъ; гряда камней, высунувшаяся изъ воды, стлалась отъ одного берега до другаго. Рыбаки держали нашу лодку ближе къ правому берегу; тутъ въ порогѣ есть ворота, называемыя Береговыми, глубина въ нихъ полтора аршина. Далѣе въ Ангару есть другія ворота; ихъ зовутъ Ангарскими; глубина болѣе двухъ аршинъ. Почти посрединѣ порога возвышается изъ воды огромный камень конусомъ. Его называютъ шаманскимъ камнемъ, какъ и все необыкновенное. Бакланы набрали его мѣстомъ отдохновенія и окрасили въ бѣлый цвѣтъ.

Едва мы приблизились къ воротамъ и кормовой прочиталъ молитву, какъ вдругъ насъ промахнуло черезъ порогъ, такъ что едва успѣли мы разсмотрѣть камни, лежащія подъ водою, на днѣ и по сторонамъ. Трудно представить что-нибудь быстрѣе Ангары ниже порога, трудно представить силу,

которая могла бы остановить стремленіе воды. Ангара здѣсь шириною двѣ версты, и двухъверстная масса воды рвется черезъ камни, давимая сзади цѣлымъ озеромъ. Въ Америкѣ рѣка Ореноко течетъ въ морѣ около 30 верстъ, быстрота необыкновенная, но еслибы Ангара изъ пороговъ падала въ море, теченіе ея видно было бы верстъ на 50.

Не успѣли мы освободиться отъ страха, какъ лодки наши поворотили къ берегу и остановились у Никольской-пристани, гдѣ возвышается деревянная церковь. Эта пристань есть заливъ рѣки Ангары; теченіе въ немъ очень умѣренное. Ни въ какіе морозы не замерзаетъ здѣсь Ангара, однакожъ въ народѣ сохраняется преданіе, что годовъ сто назадъ, ледъ рѣки Ангары, сомкнулся съ байкальскимъ. Этому повѣрить трудно, потому-что въ продолженіе ста лѣтъ непремѣнно повторилось бы подобное явленіе. Теперь Ангара не замерзаетъ верстъ на 20 до Байкала, и служитъ убѣжищемъ запоздавшимъ уткамъ. Говорятъ, что зимою утка, изнуренная плаваніемъ по быстрѣйшей рѣкѣ, выходитъ на ледъ, чтобъ отдохнуть, и примерзаетъ лапками.

Ангара—слово монгольское, значитъ щель, трещина. Въ-самомъ-дѣлѣ, горы какъ бы треснули въ томъ мѣстѣ, гдѣ выходитъ изъ Байкала Ангара, и слѣды этой трещины видны въ подводныхъ камняхъ. Слово Ангара есть въ языкахъ манжурскомъ и якутскомъ.

Изъ Никольской-пристани пустились мы внизъ по Ангарѣ; быстрота ужасная, лодка наша колыхалась какъ бы отъ волнъ; по правому берегу тянули бичевою судно.—Работники падали на колѣна отъ усилій, а судно едва, едва подавалось впередъ.

Берега Ангары худо населены. На разстояніи 60 верстъ до Иркутска, мы видѣли на правой сторонѣ только четыре деревни; въ одной изъ нихъ деревянная церковь; на лѣвой

же двѣ деревушки безъ церквей. Лѣвой берегъ гористъ и неудобенъ къ населенію, зато горы эти покрыты дремучимъ лѣсомъ, который легко плавить въ Иркутскъ. 60 верстъ мы пролетѣли въ 5 часовъ: теперь судите какова быстрина рѣки. Говорятъ, что на этомъ пространствѣ Ангара имѣетъ паденія 60 саженъ.—Мало! судя по быстринѣ; что́ значитъ сажень склоненія на одной верстѣ! ее не почувствуетъ даже вода и останется въ спокойномъ состояніи.

Иркутскъ показался намъ великолѣпнымъ городомъ послѣ пустоты, къ которой присмотрѣлись наши глаза.

Н. ЩУКИНЪ.